

Своеобразие позиции Державина состояло, видимо, в том, что он не принижал творчество до службы, но рассматривал оба этих рода деятельности как сферу высокого творческого вдохновения.

В «Разговоре Короля с Философом» («Разговор» посвящен проблемам государственной власти и в том числе вопросу о месте и роли «философа» при дворе³⁷) Король заявляет, что «добродетель», к которой призывает его Философ, неуместна в сфере конкретной политики, что «добродетель сфера поэзии», и в ответ на вопрос Философа «Что вы под сим понимаете?» разражается рядом риторических вопросов: «Что добродетель совсем другое в нашем обыкновенном быту? Что не имеет ли она в себе всех свойств высокой поэзии? Не мысленное ли она существо? Не выспренная ли сила души? Не воспаряет ли она высоко над землею и <...> низкими привязанностями? <...> Не отделенность ли она от всего обыкновенного — прозаического?» В ответ на вопрос Философа: «Так вы разделяете людей на поэтов и прозаиков?» Король отвечает: «Я думаю: только первых меньше».³⁸ Возможно, в «Разговоре» отразились беседы Державина с Екатериной II.

Представления о несовместимости поэзии и службы, о самоценности поэтического творчества, о независимом от общества гении-творце, противопоставляющем себя «толпе» и подчиняющем всю свою жизнь служению своему таланту, равно как и представления о писателе-профессионале, живущем на средства, которые дает ему литература, окончательно сложились только в первой трети XIX в.

Пытаясь разобраться в тонкостях державинской самооценки, нельзя забывать, что речь идет об определенном культурном феномене, об определенных исторически изменчивых формах писательского поведения и писательской самооценки. Это хорошо понимал А. С. Пушкин, видевший как смену одних норм писательского поведения другими, так и то, что положение писателя в обществе обуславливается специфическими для данной культуры, для данной страны традициями: «Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. <...> В России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большею частию дворяне. <...> Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень <...> Что же из этого сле-

с «Вестником Европы», в котором творчество Державина рассматривалось с точки зрения «правил» языка. Брусилов же утверждал, что «гений» выше любых правил.

³⁷ Следует отметить, что проза Державина, посвященная проблемам государственной власти, была опубликована Я. К. Гротом далеко не полностью.

³⁸ ГПБ, ф. 247, № 4, л. 171 об.—172.